

ГЛАВНЫЙ ТРИЛЛЕР ГОДА

АЛЕКС МИХАЭЛИДЕС

БЕЗМОЛВНЫЙ ПАЦИЕНТ

Москва
2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М69

Alex Michaelides
THE SILENT PATIENT
© Alex Michaelides 2019

В оформлении обложки использована фотография:
© Ivan Ozerov / Gettyimages.ru
В коллаже на обложке использованы фотографии:
© L.J. Hopkinson, Tim Flach / Gettyimages.ru
Фото автора на форзаце
AM. © Andrew Hayes-Watkins. Rights cleared

Школа перевода
В. Бананова

Разработка серии *А. Саукова*

Михаэлидес, Алекс.
М69 **Безмолвный пациент / Алекс Михаэлидес ;**
[пер. с англ. О. Акопян]. — Москва : Эксмо, 2019. —
352 с.

ISBN 978-5-04-097345-3

Жизнь Алисии Беренсон кажется идеальной. Известная художница вышла замуж за востребованного модного фотографа. Она живет в одном из самых привлекательных и дорогих районов Лондона, в роскошном доме с большими окнами, выходящими в парк. Однажды поздним вечером, когда ее муж Габриэль возвращается домой с очередной съемки, Алисия пять раз стреляет ему в лицо. И с тех пор не произносит ни слова.

Отказ Алисии говорить или давать какие-либо объяснения будоражит общественное воображение. Тайна делает художницу знаменитой. И в то время как сама она находится на принудительном лечении, цена ее последней работы — автопортрета с единственной надписью по-гречески «АЛКЕСТА» — стремительно растет.

Тео Фабер — криминальный психотерапевт. Он долго ждал возможности поработать с Алисией, заставить ее говорить. Но что скрывается за его одержимостью безумной жекеубийцей и к чему приведут все эти психологические эксперименты? Возможно, к истине, которая угрожает поглотить и его самого...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод на русский язык,
О. Акопян, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-097345-3

Но отчего ж она молчит?

Еврипид «Алжеста»

■ Пролог

*Из дневника Алисии Беренсон
14 июля*

Не знаю, зачем я это пишу.

Впрочем, нет, пожалуй, знаю — просто не хочу себе признаваться. Даже не знаю, как назвать мое творение... Дневник? Слишком пафосно. Не то чтобы я собиралась рассказать нечто особенное. Одно дело — дневник Анны Франк¹. Или дневник Сэмюэла Пипса². Куда мне до них!.. Назвать свою писанину «журналом»? Слишком научно. Тогда придется вести его ежедневно, чего делать совсем не хочется: если это превратится в нудную обязанность, я все брошу.

Может быть, назову это «ничто». Пусть будет просто текст, который я время от времени стану дополнять. Так-то лучше. Стоит дать чему-то название, и вы сразу перестаете видеть картину целиком или понимать, почему это важно. Вы упираетесь в само слово. А ведь название — лишь крошечная

¹ Анна Франк (1929—1945) — еврейская девочка, погибшая в концлагере, автор дневника, написанного по-голландски в период оккупации Нидерландов нацистами.

² Сэмюэл Пипс (1633—1703) — английский чиновник морского ведомства, автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев в годы Реставрации Стюартов.

часть явления, верхушка айсберга. Лично мне среди слов неуютно. Я всегда мыслю образами, мой стиль самовыражения — картины. Начать писать это я решилась исключительно ради Габриэля.

С недавних пор я затосковала. Причин тому несколько. Я думала, что умело скрываю свое состояние, но он заметил. Конечно, заметил! От Габриэля ничего не скроется. Он спросил, как продвигается работа над картиной. Я ответила, что никак. Габриэль вручил мне бокал вина. Я уселась за столом на кухне, пока он готовил.

Обожаю смотреть, как Габриэль управляется на кухне. Его движения полны изящества: элегантны и собранны, как у балетного танцовщика. Не то что я — у меня все превращается в беспорядок.

— Поговори со мной, — попросил Габриэль.

— Что тут говорить? Иногда я просто застреваю в собственной голове. Ощущение, что я пробираюсь через грязь.

— А ты записывай свои мысли. Начни вести что-то вроде дневника. В этом может быть польза.

— Наверное, ты прав... Надо попробовать.

— Это все рассуждения, дорогая. Просто возьми и сделай.

— Сделаю.

Габриэль продолжал ворчать по этому поводу, но я так и не начала вести записи. И тогда несколько дней спустя он подарил мне небольшую книжечку в черном кожаном переплете с чистыми белыми листами из плотной бумаги. Я провела пальцами по первой странице (бумага оказалась приятная и гладкая на ощупь), заточила карандаш и начала писать.

Естественно, Габриэль оказался прав. Мне уже легче. Перенос мыслей на бумагу — это своего ро-

да отдушина, освобождение; тетрадь — место для выражения себя. Немного похоже на психотерапию. Хоть Габриэль ничего не говорит, я догадываюсь, что он беспокоится о моем состоянии. А если начистоту (думаю, я могу себе это позволить), настоящая причина, по которой я все-таки решила вести дневник, — желание убедить Габриэля, доказать ему, что со мной все в порядке. Не могу допустить, чтобы он переживал. Не хочу, чтобы волновался, страдал или мучился из-за меня. Я очень люблю Габриэля. Несомненно, он мужчина всей моей жизни. Я люблю его так сильно, так сильно, что это меня пугает.

Иногда мне кажется... Нет. Такое я писать не стану. Здесь будут только позитивные идеи и образы — лишь то, что вдохновляет меня как художника и является толчком для творчества. Тут появятся исключительно радостные, счастливые, нормальные мысли... И никакого безумия.

■ Часть I

Тому, кто обладает зрением и слухом, ясно, что ни один смертный не способен хранить секреты. Пусть на губах печать молчания, нервно пляшущие пальцы красноречивее слов: тайну предательски выдаст тело.

Зигмунд Фрейд
«Вводные лекции в психоанализ»

1

Алисии Беренсон было тридцать три, когда она убила своего мужа.

Они провели в браке семь лет. Оба связали свою жизнь с искусством — Алисия писала картины, а Габриэль был преуспевающим фотографом в сфере моды. В неподражаемом авторском стиле он запечатлевал полуголых анорексичных девушек в самых странных и невыгодных ракурсах. После смерти Габриэля цена на его работы подскочила до астрономических сумм.

Честно говоря, я назвал бы эти снимки пустыми. Никакого сравнения с лучшими работами Алисии — в них ощущается настоящий дар. Я, конечно, не эксперт в живописи, чтобы сказать, выдержат ли ее картины испытание временем. Жуткий поступок Алисии всегда будет бросать мрачную тень на ее талантливые творения, поэтому в данном случае трудно быть объективным. Кроме того, вы можете обвинить меня в предвзятости. Это мое мнение, и только. Я счи-

таю Алисию гениальной художницей. Помимо безупречной техники рисунка, ее картины обладают совершенно фантастической способностью сразу захватывать все внимание зрителя — прямо-таки брать за горло! — как в тиски.

Габриэля Беренсона убили шесть лет назад. Ему было сорок четыре. Это произошло двадцать пятого августа. То лето выдалось необычайно жарким — возможно, вы помните, столбик термометра порой достигал рекордно высоких отметок. А день убийства Габриэля Беренсона оказался самым жарким за весь год.

В тот роковой день Габриэль проснулся очень рано. В четверть шестого утра к их с Алисией дому на северо-западе Лондона в районе Хэмпстед-Хит подъехала машина, которая повезла его на съемку в Шордич¹. Габриэль провел целый день на крыше здания, фотографируя модели для журнала «Вог».

О том, что в это время делала его супруга, известно немного. У Алисии вскоре должна была состояться выставка, и она не успевала закончить одну из картин к открытию. Наиболее вероятно, что в тот день Алисия работала в расположенном в глубине сада летнем домике, который недавно переделала под мастерскую. Съемка затянулась, и водитель привез Габриэля домой около одиннадцати вечера.

Примерно полчаса спустя живущая по соседству Барби Хеллман услышала несколько выстрелов. Она позвонила в полицию, и в 23:35 туда с участка Хаверсток-Хилл был направлен дежурный наряд. Через три минуты полицейские приехали на место вызова.

¹ Самое сердце творческой жизни Лондона, арт-район.

Входная дверь в дом была открыта настежь, внутри зияла крошечная темнота. Выключатели не работали. Офицеры вошли в холл, а затем проследовали в гостиную. Они пользовались карманными фонариками, освещая комнату прыгающими лучами. Наткнулись на Алисию, стоявшую у камина. Белое платье светилось, как у привидения. Казалось, ее совершенно не заботило присутствие полицейских. Молодая женщина стояла неподвижно, застыв, как вырезанная из куска льда статуя, со странной гримасой испуга на лице, будто столкнулась с невиданным ужасом.

На полу валялась винтовка. Чуть дальше в неоднородных тенях гостиной полицейские обнаружили неподвижно сидевшего на стуле Габриэля, привязанного к стулу; его щиколотки и запястья были крепко связаны прочным шнуром. Поначалу офицеры подумали, что он еще жив. Его голова свесилась набок, словно он был без сознания. Подняв луч фонарика, полицейские увидели, что Габриэль был убит несколькими выстрелами прямо в лицо. Пули навсегда уничтожили его красивые черты, оставив обожженное, черное, кровавое месиво. Стена позади головы убитого была покрыта разлетевшимися фрагментами черепных костей и мозга, клочьями волос — и кровью.

Кровь была повсюду: разбрызгалась на стенах, растеклась темными ручейками вдоль прожилков деревянных половиц. Офицеры полиции пришли к выводу, что кровь принадлежала Габриэлю. Однако ее было слишком много. Внезапно в свете фонаря блеснул какой-то предмет — на полу возле ног Алисии лежал нож. Второй луч высветил кровь, забрызгавшую ее белое платье. Один из офицеров взял Алисию за руки и направил на них

фонарь — оба запястья распороли глубокие порезы, свежие и сильно кровоточащие.

Алисия сопротивлялась попыткам остановить кровотечение. Утихомирить ее удалось лишь силами троих полицейских. Спустя всего несколько минут Алисию увезли в Королевскую клиническую больницу. Она рухнула, потеряв сознание по пути. Потеряла много крови, но выжила.

На следующий день в отдельной палате полицейские пытались задавать вопросы в присутствии адвоката Алисии, однако молодая женщина не проронила ни слова. Ее губы были белые, бескровные. Иногда они вроде бы начинали двигаться, но с них не слетело ни звука. Алисия не ответила ни на один вопрос. Она не могла и, видимо, не желала говорить. И никак не среагировала даже на обвинение в убийстве Габриэля. Во время ареста Алисия по-прежнему молчала, не признавая и не отрицая свою вину.

С тех пор Алисия так и не заговорила.

Безмолвие главной подозреваемой превратило убийство Габриэля из обычного преступления на бытовой почве в нечто гораздо большее — в загадочную трагедию, в тайну, которая мгновенно сделалась сенсацией и заняла умы широкой общественности на месяцы.

И все же Алисия сделала одно заявление — посредством картины. Художница начала работу над полотном после того, как ее выписали из больницы и поместили до суда под домашний арест. Кроме того, суд счел необходимым приставить к Алисии сиделку, специализирующуюся на уходе за душевнобольными. По сообщениям сиделки, ее подопечная едва ела, практически не спала и почти безостановочно рисовала.

Обычно проходили недели и даже месяцы перед тем, как Алисия бралась писать новую картину. Она долго топталась на подготовительной стадии — рисовала бесконечные эскизы, создавала и переделывала композицию, пробовала разные варианты цветовых решений и форм, — пока на полотне не ложился последний мазок. Однако в этот раз она резко изменила творческий процесс, завершив полотно всего за нескольких дней.

Для большинства людей этого было достаточно, чтобы осудить ее. Каким надо быть бессердечным человеком, чтобы спокойно вернуться в мастерскую сразу после гибели супруга! И не мучиться угрызениями совести! Алисия Беренсон — хладнокровная убийца!

Возможно. Однако не стоит упускать из виду одну немаловажную деталь: даже если Алисия и убийца, она еще и художник. И тогда все встает на свои места (по крайней мере, для меня). Алисия хватается за кисти и краски и переносит на холст терзающие душу чувства и переживания. Неудивительно, что на сей раз живопись приходит к ней с такой легкостью. Если горе можно назвать «легким»...

Картина представляла собой автопортрет. В левом нижнем углу Алисия нанесла на холст название светло-голубыми греческими буквами.

Всего одно слово: *«Алкеста»*.

2

Алкеста — героиня греческой мифологии. С ней связана одна из самых печальных историй любви. Алкеста добровольно отдала свою жизнь ради су-

прута, Адмета, согласившись умереть вместо него, поскольку все остальные отказались. Казалось бы, какое отношение трогательная легенда о самопожертвовании имеет к Алисии? Истинное значение намека долгое время оставалось неясным и для меня. Но однажды правда вышла наружу...

Впрочем, я слишком тороплюсь и забегаю вперед. Начну с самого начала, и пусть события говорят сами за себя. Я не стану ничего приукрашивать, менять местами или перевернуть. Пусть то, что случилось, предстанет перед вами постепенно, шаг за шагом.

С чего начать? Наверное, мне следовало бы представиться... Но нет, пожалуй, пока останусь в тени. Ведь рассказ не про меня. Главная героиня истории — Алисия Беренсон. Вот и начнем с нее. И с «Алкесты».

Картина, написанная Алисией сразу после убийства Габриэля, — это автопортрет. Художница изобразила себя дома, в своей студии, стоящей у мольберта с кистью. Алисия обнажена. Ее тело прорисовано в мельчайших деталях: по худощавым плечам рассыпались длинные пряди рыжих волос, сквозь бледную кожу просвечивают голубоватые вены, на обоих запястьях свежие шрамы от недавних порезов. В одной руке Алисия держит кисть, зажав ее между пальцами. С кончика кисти капает алая краска — или кровь? Алисия изобразила себя пишущей картину, и тем не менее холст нетронут. Он пуст, как и выражение ее лица. Алисия смотрит на зрителя через плечо, повернув голову назад. Губы разомкнуты, словно в беззвучном крике.

Пока шли судебные заседания, Жан-Феликс Мартен, управляющий небольшой галереей в Со-